

ОЧЕРКИ СМУТНЫХ ВРЕМЕН

Егор ГАЙДАР

Нет дела, коего устройство было бы труднее, опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые.

Николло Макиавелли «Государь»

Когда общество уже пережило трудные времена и мучительно выздоравливает, в недрах его вызревает, сначала подсознательное, а затем и рациональное стремление забыть прошлое. Или сконструировать вместо него нечто иное, удобное и духоподъемное, как утренняя физзарядка в советское время. Сперва вполне простенькое, потом, усилиями многих интеллектуалов, уже многоэтажное, густозаселенное фантомами и призраками, имевшими сначала отдаленное общее с реально происходившим, но а чем дальше — тем более самостоятельное, живущее уже по законам телесериалов, а не истории.

Ну а если трудные времена наступают снова? Прошлое актуализируется. Начинается поиск виноватых, но не в настоящем, а в минувшем, оживают старые фобии, предубеждения, страхи, вчера еще стабильное представляется уже шатким и ненадежным. Не уроки прошлого вспоминаются нам, а тени бывших врагов; бывшие страхи предлагаются в новой упаковке, и страшное для русского

общественного сознания слово смута опасно наполняется содержанием.

СМУТЫ И ИНСТИТУТЫ

С XI–XII веков в Западной Европе начинается процесс институциональных изменений, проложивший дорогу ускорению темпов экономического роста¹. Появляются города-государства, отличные от полисов античности, но имеющие представительные собрания, определяющие, как должны собираться налоги, на что должны расходоваться государственные средства. Укореняется представление о священном праве частной собственности, праве «лучших людей» — налогоплательщиков управлять делами государства.

Беспрецедентные по масштабам институциональные изменения, делающие страны Западной Европы XVIII века непохожими на остальной аграрный мир, очевидны. Они открывают дорогу ускорению социально-

¹ О связи институционального развития, обеспечивавшего порядок, необходимый для торговли на дальние расстояния с подъемом Европы см.: Lopez R. The Birth of Europe. New York, 1966; Van der Wee H. Structural Changes in European Long-Distance Trade, and Particularly in the Re-export Trade from South to North, 1350–1750 / J. D. Tracy (ed.). The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750. Cambridge and N.Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 14–33.

экономического развития, процессу, который получил название современного экономического роста².

По меркам современного мира социальные перемены идут неспешно. Традиция остается становым хребтом европейского мира. Нововведения, меняющие привычные установления, позволяющие повысить уровень благосостояния, увеличить финансовые ресурсы государства, лишь постепенно трансформируют отношение к новшествам. Но представление об изменениях в устройстве общества как о средстве, позволяющем снять преграды на пути развития, сформировать разумно устроенное общество, распространяется.

Если для традиционных аграрных обществ смуты, потрясения, связанные с переменами, — синоним беды, то в Западной Европе, европейских переселенческих колониях отношение к переменам иное. С ними связывают исправление несовершенств существующего порядка, создание предпосылок лучшей жизни.

СМУТЫ В АГРАРНЫХ ИМПЕРИЯХ

Аграрные общества — способ социальной организации, доминировавшей в мире на протяжении тысячелетий. Их характерные черты — разделение населения на привилегированное меньшинство, обычно выполняющее государственные функции, несущее или организующее военную службу, занятое религиозными обрядами, и крестьянское большинство.

Важнейший элемент социального порядка — традиции. Лучше, если жизнь устроена, как при отцах и дедах. В этом основа легитимации существующих порядков, разделения общества по социальным стратам.

Важнейшие различия в организации аграрных обществ связаны с уровнем централизации власти. Их можно условно разделить на централизованные и феодальные. В централизованных — единая налоговая администрация, отделенная от нее система военной службы,

финансируемая за счет казны. В феодальных — функции сбора повинностей и военная служба объединены.

Феодальная организация порождает немало проблем. Слабость центральной власти проложила дорогу внутренним войнам, за которыми — разорение деревень. Феодальная армия ненадежная защита от внешних завоеваний. Однако привычные отношения сеньора и крестьянина, слабость государства, ограниченность его функций снижают риски крушения сложившихся институтов.

Серьезнее угроза краха существующего порядка в централизованных аграрных государствах. Их сила в развитой бюрократии, способности собирать налоги, содержать и контролировать армию. Ключевая проблема устроенных так государств, — контроль над собственным аппаратом. Даже при хорошо организованной системе путей сообщения проследить из столицы, что делают чиновники в уездах, непросто. Риск падения доходов казны, связанный с освобождением от налогов, воровством чиновников — ключевая проблема аграрных держав. Переобложение крестьянства, связанное с ним падение доходов казны — признак кризиса.

Поиск хрупкого равновесия между этими рисками — создание администрации, позволяющей отбирать у крестьян максимум возможного, но не доводящей их до разорения — стержень экономической политики аграрных цивилизаций³. Предсказать крах сложившихся институтов трудно. В истории аграрных обществ это удавалось редко. Смута в аграрных империях явление нечастое, поражающее современников неожиданностью и масштабами бедствия.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Многие видные российские историки были склонны рассматривать смуту XVII века как явление случайное, не связанное с ходом российской истории⁴.

² Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread. New Haven — L.: Yale University Press, 1966.

³ «Обычная дилемма для правителей аграрного государства: низкие налоги — бедное государство, высокие налоги — обнищание подданных». См.: Webber C., Wildavsky A. A History of Taxation and Expenditure in the Western World. N.Y.: Simon and Schuster, 1986. P. 76. Во многих аграрных империях права государей собирать налоги для обеспечения защиты были связаны с требованием к властям быть скромными в своих расходах. См.: Maity S.K. The Imperial Guptas and their Times. (cir. AD 300–550). Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd., 1975. Барани дает картину характерного для аграрных империй периода переобложения крестьянства: «Области оскудели, возделывание земли полностью прекратилось: крестьяне отдаленных провинций, прослышав о разорении крестьян Дуаба из страха, что с ними может приключиться то же самое ... бежали в джунгли. В результате сокращения посевов в Дуабе, разорения крестьян, уменьшения приходящих в столицу караванов и прекращения поступления в Дели зерна из Индостана в области Дели и во всем Дуабе начался страшный голод. Цены на зерно поднялись. Из-за недостатка дождей голод усилился и продолжался в течение нескольких лет. От голода погибли тысячи людей; общины рассеялись; многие лишились семей». См.: Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии. (XIII — середина XVIII в). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. С. 35.

⁴ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли», 1994. С. 783; Коваленский М.Н. Московская смута XVII века: ее смысл и значение. Исторический очерк. М.: Книгоиздательство «Польза», В. Антик и Ко., 1913. С. 4.

До начала XX века смута была уникальным явлением в российской истории. Современники событий, начавшихся в 1917 году, в Смуте искали параллели с развитием происходящих на их глазах событий.

Централизованное аграрное государство с развитым бюрократическим аппаратом в России по историческим меркам существовало недолго. Оно сложилось лишь в XV-XVI веках. В аграрном Китае — бюрократической империи, период существования которой измеряется тысячелетиями, явления, подобные тем, с которыми столкнулась Россия начала XVII века, уникальными не были. Для китайских историков это не невиданная катастрофа, а органичная часть династического цикла.

Централизация власти, повышение эффективности бюрократии, репрессии против пытающейся своевольничать элиты — начало цикла. Уход налогоплательщиков под покровительство сильных людей, эрозия налоговой базы, сокращение доходов казны — характерные черты его завершающей фазы.

Основатели династии, нередко иноэтничные завоеватели, иногда вожди крестьянского восстания, держат тех, кого они привели к власти, богатству, в жесткой узде. При их потомках энергия государства слабеет, должности становятся наследственными, доходы правительства сокращаются. К концу династического цикла крестьянские восстания, связанные с нерегулярностью и неупорядоченностью налогообложения, становятся массовыми.

В аграрных обществах, где не менее половины государственных расходов идет на содержание армии, отделение функций тех, кто собирает налоги и организует гражданскую администрацию и тех, кто носит оружие, — характерная черта централизованной империи. Обеспечить контроль над сбором и поступлением налогов невозможно без удовлетворительно организованной системы коммуникаций, почты. Разделение военной и гражданской власти предполагает существование иерархической, подчиняющейся центру системы отправления правосудия. Этот принцип не всегда соблюдался. Влиятельные люди иногда получали (или присваивали себе) право судить, власть. Но это именно нарушение принципа, отход от традиционной организации государственной власти.

При непредсказуемости урожая угроза голода, сокращение налоговой базы — вызов государству. Организация помощи голодающим — одна из значимых функций правительства. Еще одна важнейшая задача государства — обеспечение внешней безопасности. Войска размещены там, где угроза представлялась наибольшей. В Китае столица, место расквартирования войск на протяжении многих веков, были территориально

отдалены от регионов, поставлявших большую часть продовольственных ресурсов. Снабжение столицы и армии продовольствием в этих условиях — одна из трудноразрешимых задач.

Если бюрократическая машина разлаживается, жизнь страны оказывается под угрозой. Современники воспринимают это как катастрофу, бедствие, посланное богами. Предвестники таких катаклизмов: падение способности власти собирать налоги, сокращение доходов бюджета, неплатежи армии. Прекращение правящей династии, утрата традиций нередко становятся прологом институционального кризиса. Механизмы развертывания смуты имеют сходные черты.

В централизованных аграрных империях рядом с крестьянской общиной нет замка феодала. Армия там, где вероятность внешней военной угрозы наибольшая. В основных сельскохозяйственных районах число людей, способных подавить крестьянские беспорядки, невелико. Порядок, сбор налогов, обеспечивают не столько органы власти, сколько привычка. Крестьяне знают, что если не выполнить повинности, раньше или позже власть пошлет войска. Лучше попытаться сделать то, что требует государство. Но поддерживать баланс между размером налогового бремени, стремлением от него уклониться и страхом перед карательными силами государства возможно при двух условиях. Крестьяне должны знать, что их повинности тяжелы, но привычны, такие же несли отцы и деды. И что если не платить налоги, придут солдаты.

Так бывало на протяжении столетий. Но то, что это навсегда, гарантировать невозможно. Налагаемые на крестьян повинности могут превысить уровень, совместимый с устойчивым ведением хозяйства. Массовое запустение земель в Московском государстве конца XVI века — наглядный тому пример. В истории аграрных империй немало аналогичных кризисов. Банкротство государственных финансов, связанные с ним ненадежность войска, внешние войны могут подорвать способность государства применять силу в случае отказа крестьян платить налоги, при аграрных беспорядках.

Расчет на то, что крестьяне всегда будут послушными, войска надежными — ошибка, дорого стоившая властям многих аграрных империй. Крестьяне убеждены: налоги — не их добровольные обязательства, необходимые, чтобы государство могло выполнять свои функции, а бремя, которое они несут под угрозой репрессий. В тот момент, когда риск применения государством силы падает, вместе с ним снижаются и доходы бюджета.

Если уйти от деталей, общие черты развития событий во время смуты сходны. Важный механизм ее развертывания — подрыв способности власти собирать налоги.

Если правительство теряет способность собирать налоги, бюджетные неплатежи — данность. Те, кто состоит на государственном содержании, вынуждены приспосабливаться к этой реальности. Гражданская служба становится все более коррумпированной. Военные, не получающие вовремя жалованье, реквизируют продовольствие у крестьян.

Упорядоченное налоговое бремя, налагаемое аграрными империями тяжело. Реквизиции разорительны. Вооруженные отряды, грабящие деревни — одна из страшных страниц истории аграрных обществ. Когда порядка нет, обязанности крестьянина не определены, сохранение хозяйства не гарантировано, нет смысла продолжать работать на земле. Одни придут — грабят, другие — грабят⁵. В такое время разумнее взять в руки саблю и податься в казаки-разбойники. Уход крестьян с земли, их объединение в вооруженные отряды, распространение разбойничества — характерная черта периодов смуты.

Претенденты на власть в России начала XVII века — Лжедмитрий Первый, Лжедмитрий Второй, Василий Шуйский, польский король Сигизмунд раздают права на поместья. На одну усадьбу претендует несколько искателей счастья. Титул собственности на землю, не гарантирует ничего. Если феодалы и их дружины были способны сами поддерживать порядок в своих владениях, то в

централизованных аграрных империях крах государства означал и крушение всех институтов, обеспечивающих правопорядок⁶.

На фоне анархии, хаоса нелюбовь крестьянско-го большинства к тем, кто пользовался привилегиями в условиях устойчивой власти, становится явной. Призыв грабить дома богатых, делить их добро, — характерная черта смуты⁷.

Развитая система коммуникаций, ее удовлетворительное состояние — необходимая предпосылка нормальной жизни в централизованной аграрной империи. Без нее невозможно контролировать территорию, обеспечивать сбор налогов. Крах существующего порядка одновременно означает и паралич транспорта.

Трудности, с которыми сталкиваются поляки, занявшие в последние годы смуты Москву, были связаны с действиями «шишей» — крестьян, взявшихся за оружие в ответ на произвольные реквизиции. Это сделало невозможным продовольственное снабжение польских сил. Стихийный протест против тех, кто грабит дома, забирает продовольствие — не проявление патриотических чувств, а реакция крестьянина на попытку отнять у него больше, чем он может отдать, не разрушая своего хозяйства.

Неизбежное следствие кризиса системы коммуникаций — проблемы снабжения продовольствием центра империи — столицы⁸.

⁵ «К тому же и поляки, и казаки, стоявшие за вора, и московское правительство, — все нуждались в средствах и обирали народ. А ведь уже и прежде непосильны были налоги, взимавшиеся одним только московским правительством. Теперь же прибавились казаки и поляки, грабившие и разорявшие все, что встречали на своем пути. Разорение было полное и помощи ждать было неоткуда». См.: *Волькенштейн О.* Великая смута земли русской. 1584-1613 гг. М.: Книгоиздательство «Труд и Воля», 1907. С. 39. «Наконец, поборы на тушинского царя и на его администрацию сопровождалась страшным произволом и насилием, равно как и хозяйничанье панов в селах, а тушинская власть оказывалась бессильно одинаково против собственных агентов и против открытых разбойников и мародеров, во множестве бродивших по Замосковью. О тех ужасах, какие делали эти разбойники или «загонные люди» (от *загон* — набег, наезд), можно читать удивительные подробности у Авраамия Палицына и во многочисленных челобитьях и отписках воевод тушинскому правительству». См.: *Платонов С.О.* Очерки по истории смуты в московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899. С. 382.

⁶ В Пекине повстанцы изгоняли чиновников из старых учреждений и их закрывали, расстраивали всю государственную машину. Они открывали тюрьмы и выпускали узников. См.: *Симоновская Л.В.* Антифеодалная борьба китайских крестьян в XVII веке. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 252, 253.

⁷ «Обезображенные тела не убирались целый день. Лужи крови стояли на улицах. Люди гуляли и веселились, дрались за добычу, продавали ее. Этот день для многих был днем великого благополучия. Иные до того времени были совсем нищие, а теперь набрали денег, мехов, золотых вещей, жемчуга, богатых одежд. Пьяные хвастались и кричали: «Нет на свете сильнее и грознее московского народа! Целый свет нас не одолеет! Нашему народу счету нет! Теперь пусть все перед нами молчат, кланяются нам, в ногах у нас валяются! [...] Толпы бросались на их дома, взламывали замки, забирали платье, деньги, утварь, выводили лошадей и скот, а когда доходили до погребов — тут было раздолье: поставят бочку дном вверх, разобьют дно и черпают сапогами, котами, шапками и пьют, пока без чувств не попадут; и так в этот день до ста человек лишились жизни. Душ не губили, зато сильно грабили без всякой пощады, снимали с осужденных народной ненавистью даже рубахи, и многие видели тогда — говорит очевидец — людей, адамовым способом прикрывавших свою наготу листьями. Чернь, долго и много терпевшая, долго униженная, радовалась этому дню, чтобы потешиться над знатными и богатыми, отплатить им за прежнее унижение. Потерпели тогда и такие, что вовсе не были сторонниками Годуновых, за то единственно, что были богаты; и всеобщий грабеж и пьянство продолжались до ночи, когда все заснули мертвецки». См.: *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли», 1994. С. 284, 153.

⁸ Л. Симоновская так описывает состояние снабжения Пекина продовольствием в период смуты в Китае, связанной с закатом Миньской династии: «Длительная война в центральных и северных провинциях страны привела к резкому сокращению налоговых

В аграрных империях власти стремились иметь средства, позволяющие финансировать войны, справиться с последствиями неурожаев. В государственной сокровищнице хранились драгоценные металлы, камни, иногда продовольствие. Ее расхищение — обычный штрих смутного времени.

В периоды смуты институциональная структура становится проще. Более устойчивыми оказываются базовые установления (семья, крестьянское хозяйство, отношение лорд–слуга). Чем сложнее институты, тем более хрупкими они оказываются при крахе централизованного государства. Это относится к государственному аппарату, торговле на дальние расстояния, финансовым рынкам.

Во время смуты жизнь непривычна, неудобна и опасна. Отсюда — мечта о восстановлении порядка. Объект подражания — институты рухнувшей империи. Люди забыли, как они ненавидели сборщика налогов старого режима, привилегии вышестоящих сословий. Они помнят об одном: раньше порядок был.

Именно под влиянием смуты в Англии середины XVII века Т. Гоббс, один из основателей современной политологии, предложил отказаться от концепции разделения властей, написал, что абсолютная власть государя — единственный способ гарантировать нормальную организацию жизни. Результат смут — усталость от анархии, запутанные отношения собственности, разграбленная казна. Такие годы помнят, как тяжелые.

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

В первых революциях XVII–XVIII веков, голландской, английской, американской, роль традиции еще сильна⁹. Лидеры голландской революции ссылаются на установления, дарованные Бургундским домом. Английская революция XVII века — реакция на попытки королевской власти изменить организацию жизни страны, отказаться от привычных прав и свобод¹⁰. Восстание

североамериканских штатов — ответ на нарушение английским правительством привычных установлений, ее лозунг: «нет налогообложения без представительства».

АНГЛИЯ

В Англии во время революции XVII века система управления правосудия пострадала, но не была полностью дезорганизована. Лидеры нового режима пытались найти пути примирения с Карлом I, понимали, что именно в этом — предпосылка стабилизации новой власти. Несмотря на беспорядки, гражданские войны, государственные финансы не рухнули. Парламент вотирует сбор налогов, которые раньше отклонялись как несправедливые. Сохранение на фоне революции и гражданской войны социальной стабильности в Англии в середине XVII века оппоненты Французской революции будут как аргумент, позволивший доказать принципиальное отличие происходившего в этих странах во время революционных потрясений¹¹. Но эти различия не стоит абсолютизировать. Известно, как трудно свергнуть сложившуюся систему управления и как легко свергнуть систему новую¹². В обществе, лишенном ограничений, налагаемых традицией, насилие становится ключевым доводом в споре. Неспособность правительства контролировать применение насилия — характерная черта периода Английской революции. С ним обычно связаны перебои в снабжении крупных городов продовольствием.

Гражданская война потребовала формирования постоянной армии. Парламент проголосовал за налоги, необходимые для ее содержания. Но денег на армию не хватало. Задержки выплат солдатам и офицерам, бюджетные неплатежи — одна из ключевых политических проблем времен Английской революции. Гражданские власти не могли ни распустить армию, ни собрать налоги, достаточные, чтобы обеспечить ей своевременные платежи¹³.

поступлений в казну. Ослабление связи с южной частью империи, время от времени нарушаемой восстанием, препятствовало передвижению грузов и поступлению налогов. Местные власти, ссылаясь на разные обстоятельства, с большой охотой задерживали собранные суммы у себя и не спешили с их отправкой в столицу». См.: *Симоновская Л.В.* Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 177.

⁹ О том, были бы события в Англии середины XVII века бунтом (смутой) или революцией, историки будут спорить всегда. См.: *Aylmer G.E.* Rebellion or Revolution? England 1640–1660. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 195.

¹⁰ О попытках Стюардов радикально изменить укоренившееся институциональное устройство Англии, связанными с их убеждениями в божественном праве королей и необходимостью восстановить самодержавие см.: *Davies G.* The Early Stuarts 1603–1660. Oxford: The Clarendon Press, 1937. P. 30.

¹¹ *Burke E., Paine T.* Reflections on the Revolution in France and The Rights of Man. N.Y.: Dolphin Books, 1961.

¹² *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. / Пер. с фран. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд, 1997.

¹³ «Когда солдаты узнали о принятом в парламенте постановлении распустить армию, оставив из 40 тыс. человек только 16 тыс. для гарнизонной службы в Англии, а 12 тыс. человек отправить в Ирландию, возмущение в их среде стало всеобщим. Задумав отделаться от «новой модели», проникнутой «мятежным духом», парламент не позаботился выплатить ей задолженность, достигшую

Сохранение традиционных установлений, системы отправления правосудия предопределили скромные по масштабам «великих революций»¹⁴ объемы перераспределения собственности. Но с точки зрения современников ее передел, связанный с конфискацией имущества сторонников короля, выкупом владений под угрозой изъятия властями, перераспределением ирландских земель, были беспрецедентными¹⁵.

Первый шаг в этом направлении был сделан в 1642 году, когда было конфисковано 2,5 миллионов акров земли, принадлежавших ирландским повстанцам. Эти земли служили обеспечением займов, привлеченных для финансирования военных действий в Ирландии. Примерно две трети земель в Ирландии перешли в руки новых собственников¹⁶.

Операции с бумагами, обеспеченными ирландскими землями, которыми английские власти гасили неплатежи армии, были массовыми. Офицеры скупали их у солдат, неясность прав на ирландские земли, связанные с этим проблемы напоминают отечественные реалии 1990-х годов.

АМЕРИКА

Лидеры Американской революции также апеллировали к традициям. Восставшие колонии отстаивали

привычные права, отвергали принятые в Лондоне нововведения. Они были готовы к компромиссу, подчинению королю, но не парламенту, в котором они не представлены. Американские Штаты опирались на длинную традицию самоуправления. Роль королевской администрации в организации жизни была ограниченной. Государственные расходы были низкими, бюрократический аппарат — слабым. Колониальную администрацию в короткие сроки можно было заменить новыми органами власти. Но и в истории США, революция — это финансовые неурядицы, неспособность государства вовремя платить армии, инфляция, масштабное перераспределение собственности. Перечитывая то, что писали современники событий, нетрудно увидеть: они говорят о проблемах деинституционального, нестабильного общества¹⁷.

Голландская революция оказала лишь ограниченное влияние на доминирующие в Европе представления об организации общества. Иное дело — Английская. Английские институты изучали, ими восхищались французские мыслители эпохи Просвещения. Однако влияние на Европейский мир инноваций, связанных с французской революцией: от равенства граждан перед законом до призыва на воинскую службу, далеко превзошло все, связанное с предшествующими социальными потрясениями.

331 тыс. ф. ст.». См.: История Европы. С древнейших времен до наших дней. В 8-ми томах. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века) М.: Наука, 1994. С. 32.

¹⁴ Об определении термина «великие революции» см.: *Brinton C. The Anatomy of Revolution*. N.Y.: Vintage Books, 1965. P.4; *Pettee G.S. The Process of Revolution*. N.Y.: Harper. Pollard, Sidney. P.3.

¹⁵ «Конфискованные земли почти целиком перешли в руки новых крупных землевладельцев из среды буржуазии ж нового дворянства. «Обязательства», выданные солдатам кромвелевской армии для получения определенных участков земли вместо платы за их службу в армии, большей частью были вскоре же скуплены земельными спекулянтами [...] После победы, одержанной парламентской армией при Нэзби в июне в 1645 г., когда была разбита королевская армия, и после подавления движения кломбенов правительство приступило к распродаже первого большого конфискованного у противников буржуазной революции земельного фонда — фонда епископских земель. [...] Только после падения пресвитерианского господства в парламенте, после казни короля и установления республики был принят акт о продаже деканских и капитульских земель (30 апреля 1649 г.). Он напоминал соответствующий ордонанс о продаже епископских земель. Правопреемниками деканов и капитулов являлись специально назначенные опекуны, которым принадлежало право продажи этих земель. В это время уже практиковалась в широких размерах скупка солдатских и офицерских «обязательств» богатыми людьми по дешевой цене через особых агентов с уплатой 5—6 шилл. за фунт. [...] В истории Англии еще не было эпохи, когда такое большое количество земель, принадлежавших феодальным землевладельцам или феодальным корпорациям, поступило бы в продажу в течение столь короткого периода, как 13 лет (1646—1659 гг.). Продажи земель ни во время войны Алой и Белой розы, ни даже во время упразднения монастырей в первой половине XVI в. не были так значительны. Земельная мобилизация захватила в то время также и Ирландию и отчасти Шотландию». См.: Английская буржуазная революция XVII века. Часть I. / *Косминский Е.А., Левицкий Я.А. (ред.)*. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 121, 372, 374, 392. О масштабном перераспределении земли в ходе английской революции XVII века см.: *Marriott J.A.R. The Crisis of English Liberty: A History of the Stuart Monarchy and the Puritan Revolution*. Westport: Greenwood Press, 1970. P. 341–342.

¹⁶ *Acts and Ordinances of the Interregnum 1642–1660, cover the period when Charles was absent from Westminster.* / Eds. *Firth C.H., Rait R. S. L.*, Pub. by H.M. Stationery Off., Printed by Wyman and Sons, 1911. P. 418; *The Statutes of the Realm ... From original records, etc. (1101-1713).* / *Luders A., Edlyn Tomlins Sir T., France J., Tauton W.E., Raithby J.* (eds.). L., 1810. P. 598-603.

¹⁷ *J.E. Cooke (ed.)*. *The Federalist*. Middletown: Wesleyan University Press, 1961. О переписке Джорджа Вашингтона с его коллегами по кабинету во время Американской революции, связанной с бюджетными неплатежами армии, см.: *Webber C., Wildavsky A.* *A History of Taxation and Expenditure in the Western World*. N.Y.: Simon and Schuster, 1986. P. 367, 368.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Лидеры французской революции не апеллируют к традиции. Речь идет о разрыве со старым порядком, попытке перестроить организацию общественной жизни на новых основаниях. Интеллектуальная атмосфера революционной Франции проникнута идеей возможности глубоких социальных и политических изменений.

На рубеже XVIII–XIX веков наиболее развитые страны Европы, европейские переселенческие колонии вступили в новую эпоху. Технические инновации, увеличение промышленного производства, урбанизация начинаются во время близкое к Французской революции. Все это в сознании мыслителей XIX века неразрывно связывает революцию и социально-экономические перемены.

Исследователи французской революции в 1830-х — 1840-х годах обратили внимание на связь происходящих процессов с классовой борьбой. Сам термин укореняется после публикации работ Л.А. Тьера, Ф.П.Г. Гизо¹⁸. Для них задача революции, выполнение которой оправдывает и массовый террор, — устранение старого порядка, приход к власти буржуазии. Когда эта задача решена, нужды в революции больше нет.

Маркс и марксисты, картина мира которых во многом формировалась под влиянием опыта Французской революции, ставят вопрос шире: мир меняется, и будет меняться. Производственные отношения должны соответствовать производительным силам. Необходимость их трансформации делает революции неизбежными. Для марксистской традиции представление о революции как о том, что *предопределено логикой общественного развития*, часть восприятия исторического процесса.

Теперь нам не просто понять: почему в работах, выполненных марксистами в XIX веке, столь мало внимания было уделено влиянию революции на ежедневную жизнь людей, функционирование экономики. Ведь в случае ее успеха, именно им предстояло отвечать за то,

как решить финансовые проблемы, обеспечить снабжение продовольствием городов, как будет работать транспорт и связь. Романтикам было скучно обсуждать влияние революции на состояние французских дорог, ремонт которых при старом режиме обеспечивался натуральными повинностями крестьян. Между тем, от состояния дорог зависело, сможет ли столица связаться с региональными властями, может ли государство обеспечить порядок¹⁹.

Революции редко удавалось предсказывать. Это катаклизм, который приходит неожиданно для его участников — правящего режима, тех, кто придет ему на смену. Анализ предпосылок революции дается лишь историкам, изучающим их десятилетия спустя. Современники поражаются неожиданностью произошедших событий.

Франция была централизованной монархией с сильным бюрократическим аппаратом. Власть интендантов, назначаемых центром чиновников, в регионах была велика. Они контролировали малейшие суммы, направляемые на местные нужды. Основой налоговой системы был прямой налог — талья, взимаемый на основе раскладки по территории и механизма круговой поруки. Существование такой системы предполагало централизованную налоговую администрацию²⁰.

Армия Франции в 1780-х годах считалась одной из сильнейших в Европе. Безопасности границ ничего не угрожало. За политической стабильностью стояла многовековая история. В 1780-х годах ничего не предвещало, что французское государство может рухнуть в одночасье.

В эти годы можно было увидеть признаки приближающейся катастрофы: финансовый кризис, неготовность привилегированного сословия к компромиссам. Однако ни депутаты, собравшиеся на заседание Генеральных штатов, ни королевская власть, ничего подобного произошедшему в 1789 году не ожидали.

Одним из поводов к французской революции стал неурожай 1788 года. Как обычно в аграрных обществах наиболее острые проблемы возникли летом года,

¹⁸ Гизо Ф.П.Г. История Английской революции. В 3-х томах. СПб., 1868, Тьер А. История Французской революции (1788–1799). В 5-ти томах. СПб.-М., 1873-1877.

¹⁹ «Для того, чтобы из Парижа успешно руководить и иметь сведения обо всем, требовалось изобрести множество способов контроля. Размеры переписки столь огромны, а медлительность административной процедуры столь велика, что я не припомню случая, когда бы, например, приходу удалось добиться разрешения восстановить свою колокольню или починить дом священника менее, чем за год; чаще всего проходят два-три года, прежде чем подобное разрешение будет получено. Сам совет в одном из своих указов (29 марта 1773 г.) отмечает, что «административные формальности влекут за собой бесконечные промедления в делах и часто вызывают самые справедливые жалобы. Тем не менее, все эти формальности необходимы», — добавляется в конце». См.: Токвиль А. де. Старый порядок и революция. / Пер. с фран. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 55. Об ухудшении функционирования дорог, каналов, портов, освещения, всего, что связано с гигиеной, образованием, здравоохранением, поддержанием порядка во время французской революции см.: Taine H.A. The French Revolution. Vol.3. Book IV. Chapter II. Food and Provisions. 1878. Метод доступа: http://nalanda.nitc.ac.in/resources/english/etext-project/history/frenchrev3_taine/

²⁰ Roberts J. The Counter-Revolution in France 1787–1830. L.: Macmillan, 1990. P. 2.

следующего за неурожаем. Именно на таком фоне начались заседания Генеральных штатов. С апреля продовольственные беспорядки во Франции стали массовыми. Широкое распространение получают призывы ввести контроль цен. За падением спроса на промышленные изделия последовал рост безработицы²¹.

Предпосылка устойчивости государства — монополия на применение насилия, способность подавить беспорядки. Она зависит от того, что происходит на улице, готовы ли солдаты выполнить приказы, отдаваемые властями. Когда в 1789 году стало ясно, что не готовы, — режим рухнул как карточный домик. Выясняется, что в армии нет полка, готового выступить по приказу короля²².

Государство оказывается не просто слабым, а бесильным. Успех бунта оправдывает бунт. Это один из факторов, делающих слабость власти во время революций данностью. Стремительность краха институтов режима, существовавшего на протяжении столетий, поражает современников. Отсюда ключевые проблемы, с которыми сталкиваются новые власти. Институты старого режима рушатся за несколько дней²³. Чтобы построить новые, нужны многие годы.

За три года, прошедшие после начала французской революции, основные институты старого режима: феодальные обязанности, дворянские титулы, система прямых налогов, церковных корпораций, торговых гильдий, административная и финансовая системы, монархия были уничтожены. Сформировались установления нового режима: суверенитет народа, свобода мысли и слова, гарантии собственности, пропорциональное налогообложение, право граждан принимать участие в формировании законов, контроле над налогообложением и использованием государственных финансов. Но за этими институциональными нововведениями не стояла традиция. Чьи приказы исполняют солдаты, понять было трудно. Чаще всего, ничьи. Эффективных инструментов обеспечения порядка не было. Вопрос о власти решало то, кого поддержит улица. В условиях революционного кризиса, настроение толпы

меняется быстро. Отсюда череда революционных лидеров, быстро проходящих путь от народных кумиров до гильотины.

Результат краха старого режима во Франции — демонтаж налоговой системы. Талья перед началом революции — символ ненавистного налога. Сохранить его лидеры революции не могли. Большинство косвенных налогов старого режима были отменны в 1791 году. То, когда заработает новая система поземельного налога, власти не знали.

Решение революционных властей об отмене налогов старого режима до формирования новой налоговой системы современным экономистам представляется странным, экзотическим шагом²⁴. Но не надо иллюзий. Старую налоговую систему государство, не имеющее аппарата, способного применить силу для сбора тальи, сохранить не могло. После того, как традиция ушла в прошлое, крестьяне перестали платить налоги, выполнять феодальные обязательства. Принудить их выполнять новые, непривычные — непростая задача. На это ушли годы. Но государство нельзя закрыть, когда крестьяне перестанут платить налоги. Армия разваливается, но требует денег. Есть институты, обеспечивающие отправление правосудия, элементарный порядок. Дороги надо чинить, каналы ремонтировать. В противном случае даже тот, невысокий по современным меркам уровень цивилизации, который который существовал во Франции 1780-х годов, сохранить нельзя.

Революционные власти пытаются решить эти проблемы, продают собственность, печатают деньги. Государство национализирует церковные земли, имущество эмигрантов.

В эпоху революций права собственности плохо определены, не гарантированы. Отсюда невысокая цена приватизированного имущества. Нередко крестьяне захватывают землю без разрешения властей. Остановить этот процесс государство не может. Оценки того, сколько французское государство получило за церковную собственность при приватизации, колеблются в диапазоне

²¹ Cobban A. A History of Modern France. Vol. I. Old Regime and Revolution 1715–1799. L.: Penguin Books, 1990. P. 138, 139.

²² О неспособности властей применить насилие при развитии революционного процесса как предпосылке краха существующего порядка см.: Brinton C. The Anatomy of Revolution. N.Y.: Vintage Books, 1965. P. 252. Об отсутствии надежных войск находящихся в распоряжении Людовика XVI летом 1789 года см.: Cobban A. A History of Modern France. Vol. I. Old Regime and Revolution 1715–1799. L.: Penguin Books, 1990. P. 149. О той же проблеме в Англии периода революции XVII века см.: Cattermole Rev. R. Illustrated History, The Great Civil War of the Times of Charles I And Cromwell. L.: Henry G. Bohn, 1857. P. 70, 71.

²³ Французские государственные деятели на протяжении века пытались отменить внутренние таможенные барьеры. Их усилия были безуспешны. Во время революции изменить положение удалось за считанные дни. См.: Hampson N. The First European Revolution 1776–1815. L.: Thames and Hudson, 1970. P. 89.

²⁴ 4 августа 1789 года Ассамблея отменила привилегии старого режима и устранила институты, использовавшиеся ранее для налогообложения. Последствием стало беспрецедентное снижение налоговых доходов. См.: Sargent T.J., Velde F.R. Macroeconomic Features of the French Revolution // The Journal of Political Economy. Vol. 103(3). March 1995. P. 492, 493.

от 15 до 50 процентов от того, сколько бы она стоила в условиях устойчивой власти²⁵.

Рост цен, недовольных им парижских низов, от строения которых зависела судьба власти, подтолкнул к принятию решения о введении государственного контроля цен. Следствие — дефицит продовольствия, очереди, рост недовольства.

Столица — место, где происходят ключевые политические события во время революции. Париж в годы революции становится не просто столицей, но и хозяйном Франции. От регулярных поставок продовольствия в столицу зависит настроение городского населения. Зерно надо либо покупать у крестьян по приемлемым ценам, либо реквизировать.

Ситуация с продовольственным снабжением нередко была напряженной. Широко распространенным было мнение, что и небольшие перебои с поставками зерна приведут к параличу снабжения городов. Отмена налогообложения, феодальных повинностей сократила размер крестьянских обязательств. Естественная реакция на это — сокращение продажи продовольствия, улучшение питания сельских семей²⁶. Хаос в городах не оставляет надежды на рост предложения привлекательных для крестьян промышленных изделий. Горожане расплачиваются за продовольствие обесценивающимися ассигнатами.

Урожай 1790 года был хорошим. Это позволило в 1790–1791 годах справиться с дефицитом продовольствия. Идеи административного регулирования цен противоречат идеологической настрой политической элиты, дань традициям либерального видения мира. Сен Жюст произносит речь в поддержку свободы торговли, против эмиссии ассигнатов. Его поддерживает Марат. Он указывает на связь денежной эмиссии и распространение бедности²⁷. Но в 1791–1792 гг. проблема дефицита продовольствия обостряется. С осени 1792 года в Париже предложение о регулировании хлебных цен становится популярным. В глазах якобинцев обесценивание ассигнатов, дефицит продовольствия, анархия — результат заговора монархистов.

Крестьяне ограничивают предложение сельскохозяйственных продуктов, ждут привлекательных условий их продажи. Стабилизировать финансы не удастся. Армия соглашается брать в качестве жалования только золото. В казну оно не поступает. Купить золото за ассигнаты не удастся. Решения Конвента от 8 и 11 апреля 1793 года о запрете торговли за золото, обязанности принятия ассигнатов по номиналу не помогает делу. Требование введения контроля цен становится популярным. Жирондисты хорошо понимают последствия принятия такого решения. Тем не менее, 4 мая 1793 года Конвент вводит регулирование хлебной торговли.

Региональным властям предоставлены права проводить обыски и конфискации. Они начинают продовольственные реквизиции. 26 июля 1793 года приняты законы, направленные против создания запасов продовольствия. Все, кто владеет товарами первой необходимости, должны их декларировать. Те, кто этого не сделал, подлежали смертной казни. 9 августа 1793 года принят закон о зерновом хозяйстве, 15 августа 1793 года введен зерновой налог, 11 сентября введен максимум цен на зерно во Франции. В начале сентября создана специальная, революционная армия для осуществления революционного террора. Ее важнейшая задача — борьба со спекулянтами²⁸.

За налогами старого режима стояла традиция. Реквизиции непривычны. Они не подкреплены выстроенным административным аппаратом. Размеры изъятий продовольствия неопределенны, для крестьян непонятны. Региональные органы управления вынуждены опираться на помощь сторонников революционной власти — санкюлотов²⁹. Крестьяне относятся к реквизициям как к грабёжам. Отсюда сокрытие запасов, саботаж, восстания.

Критическим для властей было снабжение продовольствием Парижа, его окраин, других крупных французских городов³⁰. Правительство якобинцев в конце лета сталкивается с недовольством в городе и риском восстания в деревне. Париж надо кормить. Денег, чтобы купить продовольствие у крестьян — нет.

²⁵ Hampson N. A Social History of the French Revolution. L. - N.Y.: Routledge, 1963. P. 126.

²⁶ Об увеличении использования крестьянами зерна на корм скоту и сокращений его поставок в города см.: Cobb R.C. The Police and the People. French Popular Protest 1789–1820. Oxford: The Clarendon Press, 1970. P. 260–263.

²⁷ Aftalion F. The French Revolution. An Economic Interpretation. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 123.

²⁸ Aftalion F. The French Revolution. An Economic Interpretation. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 129, 135–147.

²⁹ Санкюлоты — это сочетание социального статуса, поведения и политических убеждений. В большинстве случаев санкюлотами называли городских ремесленников и торговцев, не имеющих образования, и не претендующих на статус благородного человека. См.: Hampson N. The First European Revolution 1776–1815. L.: Thames and Hudson, 1970. P. 99.

³⁰ Cobb R.C. The Police and the People. French Popular Protest 1789–1820. Oxford: The Clarendon Press, 1970. P. 260.

В готовности стрелять по участникам крестьянских беспорядков национальная гвардия проявляла больше решимости, чем войска старого режима. Но при массовом сопротивлении крестьянского населения снабжение продовольствием Парижа становится все более трудной задачей.

У пустых булочных выстраиваются очереди. 29 октября 1793 года вводится карточное распределение продовольствия. В ноябре 1793 года власти докладывают, что запасов продовольствия в Лионе достаточно на 2–3 дня. В Руене жители получают полфунта хлеба в день. В Бордо в течение последующих месяцев люди спят у двери булочных, чтобы получить хлеб. В феврале правительство информирует об исчерпании продовольственных ресурсов в некоторых регионах Франции³¹.

Зимой 1793–1794 гг. в Париже голод. По карточкам выдают 250 граммов хлеба на человека в день. На крестьян, приехавших продать продовольствие, нападают. Радикалы, контролировавшие коммуны в Париже, убеждены, что гильотина поможет подавить заговор тех, кто продает, против тех, кто покупает зерно.

Правительство действует решительно, с беспрецедентной по стандартам Европы XVIII века жестокостью. Не помогает. В подобной ситуации шанс на сохранение власти не зависит от того, сколько человек руководители революционного режима готовы казнить. Волна убийств санкулов, прокатившаяся по сельским регионам Франции после краха якобинской власти, показала отношение крестьян к реквизициям³².

Термидорианцы в ноябре 1794 года повышают цены на продовольствие. В декабре отменяется регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию. Но холодная зима, рост потребления продуктов питания крестьянами, падения курса национальной валюты опреде-

лили развитие событий на продовольственном рынке. Кризис снабжения городов продолжился и при свободных ценах. Это стало причиной голода 1794–1795 гг. в Париже.

К осени 1796 года либерализация экономики и хороший урожай позволили исправить положение. Механизмы государственного управления стали восстанавливаться. Но потребуются годы, чтобы снизить инфляцию, восстановить налоговую систему³³. Стабилизировать бюджет удалось лишь после дефолта по государственным ценным бумагам. Экономика только к концу 1790-х годов стабилизируется. Важнейшие показатели, характеризующие ее, выходят на уровень, близкий к предреволюционному.

Нетрудно представить, как за эти годы меняется отношение к революционным идеалам. Французы, увидевшие, как выглядят великие потрясения, были поражены контрастом между тем, чего они ожидали и тем, что получили. В это время большинство из них мечтают об одном — порядке³⁴.

Генерал, готовый железной рукой восстановить порядок, оказывается в правильное время в нужном месте. Во французской политике на годы лозунг свободы был снят с повестки дня. Наполеон контролировал все, что происходит в обществе жестче, чем Людовик XVI. Но важные для ежедневной жизни людей завоевания революции: равенство перед законом, отношения собственности, отсутствие феодальных повинностей, были сохранены. Наполеон втянул Францию в череду внешних авантур. Но внутреннее спокойствие, эффективную централизованную администрацию он обеспечил³⁵.

После Реставрации Бурбонов равенство граждан перед законом было сохранено, привилегии аристократии не восстановлены. Никто не был свободен от налогов. Людовик XVIII подтвердил незыблемость новой

³¹ *Taine H.A.* The French Revolution. Vol.3. Book IV. Chapter II. Food and Provisions. 1878. Метод доступа: http://nalanda.nitc.ac.in/resources/english/etext-project/history/frenchrev3_taine/

³² О белом террепе см.: *Cobb R.C.* The Police and the People. French Popular Protest 1789–1820. Oxford: The Clarendon Press, 1970. P. 93.

³³ Подушевые доходы от налогообложения во Франции достигли дореволюционного уровня лишь в 1810 году. См.: *Sargent T.J., Velde F.R.* Macroeconomic Features of the French Revolution // *The Journal of Political Economy*. Vol. 103(3). March 1995. P. 494.

³⁴ «Когда могучее поколение, стоявшее у истоков Революции, было уничтожено или обескровлено, как обычно происходит с любым поколением, берущимся за подобное дело; когда, следуя естественному ходу событий, любовь к свободе утратила свой пыл и остыла под влиянием всеобщей анархии и диктатуры народной толпы; когда, наконец, растерявшаяся нация начала как бы ощупью искать своего господина, — именно тогда неограниченная власть смогла возродиться и найти для своего обоснования удивительно легкие пути...» См.: *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. / Пер. с фран. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд, 1997. С.161-165.

³⁵ Наполеон представлял собой порядок, и это было именно то, чего страстно желало французское общество. Нельзя сказать, что он уничтожил свободу, потому что уже нечего было уничтожать. Он лишь заменил анархию деспотизмом. Но это был режим, которые люди, уставшие от десятилетия революции, были готовы приветствовать. См.: *Dickinson G.L.* Revolution and Reaction in Modern France. L.: George Allen & Unwin LTD, 1927. P. 61, 62.

структуры собственности, сохранил административную, юридическую и фискальную систему империи.

Характерная черта смут в аграрных обществах: за восстановлением порядка следует сохранение традиций старого режима. Отличие от них революций — восстановление порядка, происходящее на фоне укоренения новых институтов.

О СМУТНЫХ ВРЕМЕНАХ

Мы не обсуждаем здесь вопрос о том, почему крах институтов старого режима стал реальностью, какие социальные силы участвовали в политической борьбе, кто в ней победил, как произошедшее отразилось на долгосрочных перспективах развития страны и мира. Речь о другом: о том, с какими ключевыми проблемами сталкиваются общества, в которых важнейшие для организации жизни установления рухнули, а новые не сформировались. Если использовать терминологию современной экономической науки, об обществах, переживающих период деинституционализации.

В аграрном мире проблемы деинституционализации характерны для централизованных государств. В современную эпоху с ними может столкнуться любая индустриальная страна. Вся ее жизнь зависит от бесперебойного функционирования инфраструктуры (железные дороги, электричество, телефонная, телеграфная связь и т.д.). Ее невозможно обеспечить в обществе, не имеющем удовлетворительно функционирующей системы институтов.

Жизнь в обществах доцивилизационного периода была бедной и простой. Производство и потребление важных для жизни семьи продуктов питания тесно связаны, территориально объединены. Чтобы жизнь продолжала свой обычный ход не нужна развитая иерархия, упорядоченное налогообложение, письменность. В цивилизованных обществах обстоит иначе. Утрата письменности в Восточном Средиземноморье после краха Крито-микенской цивилизации, на века вернула общество на доцивилизационный уровень развития.

Национальная и культурная специфика, внешняя среда, уровень грамотности, урбанизации накладывают отпечаток на то, как разворачиваются события в период деинституционализации. Если не пытаться описать десятки исторических эпизодов, которые можно назвать смутой или революцией, а выстроить их идеальную модель, нетрудно увидеть картину взаимосвязанных процессов, разворачивающихся на фоне краха институтов старого режима.

ГОСУДАРСТВО КАК МОНОПОЛИСТ НАСИЛИЯ

Важнейший атрибут государства — монополия на применение насилия. До тех пор пока у власти есть надежная, готовая выполнить приказ, боеспособная армия, режим, сколь бы не был он несовершенен, остается стабильным. Крушение ему не грозит. В истории России XX века это показали события 1905–1907 гг., когда гвардейские части подавили попытку вооруженного восстания в Москве, а вернувшаяся с Дальнего Востока армия усмирила вышедшую из-под контроля деревню.

Неповиновение войск власти — явление в истории стабильных государств нечастое. Отсюда иллюзия, что лояльность армии гарантирована. Пока и общество, и власть в это верят, силу применять и не приходится. Те, кто не доволен действующим режимом, вынуждены ограничиваться мирным протестом. Но верность армии режиму, ее готовность получив приказ применить оружие против своего народа, не всегда гарантирована.

В данном случае речь идет не о феодальном, рыцарском ополчении, а об армиях централизованных аграрных государств или государств, находящихся в процессе современного экономического роста. Они тесно связаны с обществом. У тех, кто служит в армии, есть родные и близкие. Если общество убеждено, что власть несправедлива и коррумпирована, не допустить обсуждения этого в армии невозможно. По мере распространения в обществе убеждения, что войско не надежно, в случае массовых народных выступлений может отказаться стрелять, число военных готовых первыми открыть огонь падает. Если власть неустойчива, режим может пасть, то тех, кто откроет огонь, растерзает толпа.

Нелояльность армии не сразу проявляется в открытом неповиновении. Перестает работать связь, люди необходимые для принятия решений заболевают или исчезают, оружие и патроны оказываются в разных местах. На все это накладываются факторы, связанные с собственно армейскими проблемами: военные поражения, усталость от тяжелой войны, слухи о предательстве в верхах, несвоевременная выплата жалованья, перебои со снабжением продовольствием. Первые признаки нелояльности армии означают, что режим столкнулся со смертельной угрозой. Когда неповиновение становится открытым, распространяется на столичный гарнизон, падение власти неизбежно.

Армия — это структура, суть организации которой — дисциплина, подчинение приказу. Массовый отказ исполнять приказы, измена существующей

власти — тяжёлая травма для всего военного организма. Полагать, что после краха старого режима, причина которого то, что армия отказалась применять оружие, воинские части вернутся в казармы и займутся боевой подготовкой — иллюзия.

Если со старой властью армию связывали традиции, привычка подчиняться, то с новой, когда рассеялся туман энтузиазма первых дней, следующим за крахом режима, не связывает ничто. В этой ситуации объяснить солдатам и офицерам, почему они должны рисковать жизнью, выполняя приказы непонятно откуда взявшихся властей, непросто. Армейский механизм перестаёт работать. Солдаты не выполняют приказы, а обсуждают их, дисциплина падает, части становятся не боеспособными, но агрессивными. Дезертирство приобретает массовый характер. Новая власть получает небоеспособную, непригодную к боевому применению, разбегающуюся, но при этом вооружённую и поэтому особенно опасную армию.

Органы, обеспечивающие правопорядок, ассоциируются со старой властью. Для общества именно городской, полицейский ее воплощение. При проявлении массового недовольства и нелояльности армии органы правопорядка оказываются бессильными, да, обычно и не пытаются предотвратить смену власти. Но когда она происходит, сотрудники этих органов — первые жертвы, на которых толпа вымещает накопившуюся ненависть к старому режиму. Разгром и поджоги органов правопорядка не обязательный, но нередко встречающийся эпизод смуты.

Функционирующая система правоохранительных органов — сложная структура, опирающаяся на развитую систему связей, накопленную информацию, агентурную сеть. Разрушить её в течение нескольких дней можно. Чтобы ее восстановить — требуется время. Даже в тех случаях, когда не происходит массового увольнения сотрудников полиции, их физического уничтожения, работа правоохранительной системы оказывается парализованной.

Её сотрудники знают, что общество им не доверяет. Когда рядом вооружённые и неконтролируемые солдаты, работа по обеспечению правопорядка становится опасной и неблагодарной. К тому же не понятно, насколько устойчива новая власть, не придётся ли потом отвечать за сотрудничество с ней. Реакция правоохранительной системы на происходящие события понятна: она перестаёт работать. Вооружённого

представителя власти, готового поддерживать правопорядок, после краха старого режима на улице долго не встретишь.

Тюрьмы — один из ключевых символов тирании. Вышедшая из повиновения начальству толпа не может проводить суд и следствие, разбираться в том, кто сидит в тюрьме за нелояльность властям, кто за уголовные преступления. Те, кого старый режим считал преступниками, оказывается на свободе. Паралич работы органов правопорядка, тысячи уголовников, выпущенных из тюрьмы, отсутствие контроля над оружием — всё это делает разгул преступности, связанной с применением насилия, характерной чертой смут и революций.

Новые власти приходят на волне народной поддержки. Они — воплощение общественного протеста против старого режима. Нередко это энергичные, талантливые люди. Они обещали народу, что *когда и если* удастся покончить с деспотизмом, жизнь начнёт налаживаться, а самые острые проблемы, с которыми сталкивается общество, можно будет сразу решить. Вера части общества, по меньшей мере столичного, в то, что так оно и будет, помогает выводить людей на баррикады, поддерживает готовность умереть во имя светлого будущего. Но когда режим пал, проблемы, которые проложили дорогу его свержению, такие, например, как финансовый кризис, проблемы снабжения продовольствием столицы, крупных городов, не исчезают. Они встают перед новыми властями. Между тем, их возможности решить эти проблемы невелики.

В руках у новых властей нет инструментов принуждения: армия небоеспособна, органы правопорядка парализованы. За ними не стоит традиция, обеспечивающая легитимацию их решений. Через несколько дней после революционных событий общество задаётся вопросом: а кто такие представители новой власти, откуда они взялись, с какой стати мы должны им подчиняться? Иногда на этом фоне возникает феномен многовластия. Несколько конкурирующих центров претендуют на то, что они законная власть, имеющая право принимать решения по важным для общества вопросам. Пока они борются между собой, страна погружается в омут безвластия, анархии. Гоббс, описавший в Левиафане картину борьбы всех против всех, ничего не выдумал. Он лишь стилизовал известные ему картины английской революции середины XVII века³⁶.

³⁶ Гоббс Т. Левиафан: или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. / Ред. А. Ческис. М.: Государственное Социально-Экономическое Издательство, 1936.

ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВА

После краха режима система контроля за сборами налогов, использованием финансовых ресурсов, судопроизводством, обеспечением правопорядка в отдалённых от столицы регионах выходит из строя. Термином «собственность» описывают различающиеся социальные конструкции. То, что в последние века в Европе принято называть собственностью, не слишком хорошо подходит к описанию реалий большей части аграрного мира. Для разрешения споров вокруг земельной собственности есть устоявшиеся механизмы: община, суд. Всё это работает до тех пор, пока государство сохраняет монополию на применение насилия. Когда её нет, система обеспечения правопорядка и судопроизводства оказывается парализованной. Само понятие собственности становится размытым, условным. Массовыми становятся грабежи, самозахваты земли, её переделы. Неопределённость отношений собственности дезорганизует сельскохозяйственное производство.

Тяжесть налогового бремени, несправедливость его распределения — один из важных аргументов против старого режима. Призывы снизить или вовсе отменить налоги — эффективный механизм в борьбе за смену власти. Налоги твёрдо ассоциируются со старым режимом. Крестьяне не готовы понимать, почему после его краха они по-прежнему что-либо должны государству. Инструментов, позволяющих мобилизовать налоговые доходы, у государства нет.

Если государство не может отказаться от расходных обязательств и собрать необходимые для их обеспечения налоги, результат очевиден — финансовый кризис. В обществах, в широких масштабах использующих бумажные деньги, первая реакция властей на него — переход к эмиссионному финансированию государственных расходов, наращивание денежной массы, инфляция, иногда перерастающая в гиперинфляцию, паралич денежного обращения. Массовыми становятся бюджетные неплатежи, задолженность государства перед армией, чиновниками.

В первое время следствием произошедшего для крестьянина становится то, что сборщик налогов больше не приходит; то, что землю помещика можно захватить, никто её защищать не придет. Что надо возвращаться к натуральному хозяйству, не слишком надеяться на то, что что-нибудь важное для жизни привезут из города. От привычных городских продуктов придётся отказываться, но это не катастрофа. В малых городах, тесно связанных с деревней, где жители ещё не оторвались от села, нередко обрабатывают свои земельные участки, положение

сложнее, чем в деревне, но всё же не катастрофическое.

Куда хуже дело в крупных городах, особенно в столице. Возможность поддержания жизни здесь зависит от бесперебойной поставки продовольствия. После краха старой власти проблема снабжения крупных городов продовольствием становится ключевой.

Серьёзный удар по потоку продовольствия из деревни в крупные города — расстройство коммуникаций. Нечиненые дороги, выходящие из строя каналы создают проблемы обеспечения бесперебойного товарообмена между деревней и городом. Но дело не только в этом. Рост преступности, обусловленной параличом правоохранительных органов, превращает дальнюю торговлю в опасное занятие. Это подталкивает к натурализации крестьянского хозяйства, снижению его товарности.

Крах налоговой системы сокращает потребность деревни в деньгах. Естественная реакция крестьянского хозяйства на ограничение налогового бремени — рост потребления продовольствия в крестьянских семьях. Эмиссионное финансирование ведёт к обесценению денег. Крестьяне не торопятся обменивать продовольствие на теряющую цену крашеную бумагу. Попытки организации безденежного продуктообмена между городом и деревней не позволяют обеспечить минимальные потребности города в продуктах питания. Нужда городов в продовольствии более острая, чем нужда деревни в городских товарах.

Характерные черты периодов деинституционализации: кризис продовольственного снабжения городов, дороговизна продуктов питания. Это удар по уровню жизни городского населения. Речь идёт о социальных группах, которые принимали участие в событиях, проложивших дорогу краху предшествующего режима. Отсюда вывод, укореняющийся в общественном сознании: при старом режиме было плохо, при новом — стало хуже. Ответственность за это лежит на новой власти. Её надо сменить, а тех, кто имел к ней отношение, казнить.

В руках у новых властей нет ни боеспособной армии, ни надёжно функционирующих органов правопорядка. Развитие политического процесса определяется тем, за кого стоит столичная улица. Обеспечить её поддержку надо любой ценой. Необходимая предпосылка — хоть сколько-нибудь удовлетворительное обеспечение столицы продовольствием. Если его невозможно добиться, закупая продукты питания в деревне по рыночным ценам, выход один — их насильственная реквизиция. Она может осуществляться конкурирующими между собой городскими отрядами, которые отправляют в деревню, чтобы забрать у крестьян зерно, или централизованными формированиями, выполняющими те же задачи. Результат

один — в условиях слабой власти, небоеспособной армии, город объявляет деревне войну, вооружённой силой пытается взять продовольствие, которое крестьяне не готовы продать за обесценивающиеся деньги.

Отношение крестьян к происходящему понять трудно. Если сборщик налогов старого режима был персонажем неприятным, но привычным, ориентировался на традиционную норму изъятий, то пришедшие из городов вооружённые люди, пытающиеся отобрать у крестьян результаты их трудов, непонимающие, сколько можно взять, не разрушив крестьянское хозяйство, воспринимаются однозначно — это грабители. Реакция на попытки города силой взять продовольствие в деревне — саботаж, убийства, восстания, иногда перерастающие в гражданские войны. Нередко возникают крупные области, в которых проводить реквизиции невозможно. Отсюда ухудшение продовольственного снабжения крупных городов, иногда введение карточной системы распределения продовольствия, неото-варенные карточки. Крестьяне ненавидят новые власти за то, что они отбирают хлеб или по меньшей мере не мешают это делать. Городские низы ненавидят их за то, что продовольственное снабжение с каждым днём ухудшается. Отсюда нарастающее недовольство, политическая нестабильность.

На все это накладывается уязвимость государства, по отношению к притязаниям соседей. Страна, еще недавно имевшая сильную армию, бывшая активным участником ключевых международных процессов, после развала армии оказывается беспомощной и беззащитной. В решении ее судьбы нередко серьезную роль играют не утратившие боеспособность иноэтнические формирования. Сохранение территориальной целостности и масштабы территориальных потерь зависят от алчности соседей.

Стабилизация институтов нового режима требует времени. Нужно чтобы общество признало их несовершенными, но привычными, чтобы на смену старой системе мобилизации государственных доходов пришла новая, позволяющая покончить и с экстремально высокой инфляцией и с бюджетными неплатежами. Чтобы армия обрела боеспособность, а правоохранительная система начала работать, чтобы стабильные деньги позволили наладить нормальную торговлю между городом и деревней, отказаться от реквизиций, обеспечить основы роста сельскохозяйственного производства, чтобы отношения собственности в том виде, в котором они сложились после периода, последовавшего за крахом существовавших институтов, стали привычными, обрели устойчивость. История не дает нам оснований для того, чтобы определить сколько на это нужно времени.

* * *

Самый длинный период кризиса деинституционализации в крупной стране в 20 веке — Китайская революция 1911–1949 годов. Но история знает и более протяженные периоды хаоса и анархии, следующие за крахом централизованной империи.

Даже, если ограничится крупными странами, события в которых играли существенную роль в мировой или региональной истории, число случаев, когда обществу приходилось решать проблемы деинституционализации, исчисляется десятками.

СМУТЫ И ИНСТИТУТЫ

По прошествии даже небольшого по историческим меркам времени (15–20 лет), в общественном сознании сильно смещаются жизненные реалии, путаются имена, даты, последовательность событий. Это не по злому умыслу: так устроена человеческая память. «Врет как очевидец», любят повторять следователи и репортеры. Для тех, кому сейчас 20–30 лет, произошедшее в России на рубеже 1980–1990 годов не многим отличается от легендарных событий столетней давности. Многие из тех, кто старше, вычеркнули происходившее тогда из памяти. Оно слишком страшно, неприятно и непонятно, а поэтому о нем хочется забыть, а если не забыть, то как-то засахарить, заглазировать, чтобы не горчил память этот сгусток прошлого. Миллионы совсем нестарых еще сограждан убеждены, что в стране до начала экономических реформ все было хорошо, денег и товаров хватало, жизнь была стабильна и социально защищена.

Они помнят, что зарплаты и пенсии были хоть и небольшими, но на жизнь хватало, зато работа, медицинская помощь, бесплатное образование и летний отдых для детей, пенсия в старости — были гарантированы государством. Что страна называла себя государством рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, и гордилась социальным равенством всех со всеми. И что им завидовали миллионы обездоленных пролетариев и батраков во всем мире.

А то что каждый ропот, каждый протест этих рабочих зорко отслеживала КГБ, что протестующих ждала тюрьма, а в случае неповиновения их расстреливали, как демонстрантов в Новочеркасске в 1962 году, об этом тогда не трубили по всесоюзному радио, не писали в газетах, и об этом можно было даже не подозревать.

Людам, родившимся в развитых странах мира после Второй мировой войны, устройство жизни до последнего времени казалось стабильным. Но, увы, исторические

катаклизмы, на протяжении месяцев и даже дней, необратимо меняющие жизнь миллионов людей, случаются. Именно этот необратимый катаклизм произошел в Казахстане, несокрушимом как скала, Советском Союзе на рубеже конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Современная экономическая теория основывается на представлении, что организацию экономической жизни обеспечивают *институты*, правила, определяющие отношения между людьми, государством, организациями. Поколение за поколением ученых принимали институты, сложившиеся в Европе, как неизменную (и универсальную) данность. Потребовались потрясения первой половины XX века, две мировые войны, чтобы экономическое сообщество вспомнило о том, что хорошо понимал уже Адам Смит: институты принципиально важны для нормального функционирования экономики.

Институты — это привычные нормы поведения. Стабильность — залог их эффективности. Но изменения условий жизни общества порождает вызовы устойчивости установлений. Связанным с этим проблемам посвящены работы Д. Норта³⁷. Сочетание стабильности и гибкости, риски, связанные с «делегитимацией» традиций — ключевой вопрос в анализе взаимосвязи институтов и экономического роста. Революциям, историческим эпизодам, связанным с тем, что крах предшествующего режима проложил дорогу институциональному вакууму, посвящено немало интересных работ. Проблема в том, что сам термин «революция» пластичен во времени и пространстве. Употребляя это слово надо помнить: его по-разному воспринимают во Франции, в России, Англии, США, Германии, странах восточной Европы.

* * *

Многие современные государства возникли в результате революций. После английской «славной рево-

люции» это слово приобрело позитивный оттенок. На самом деле, романтики в периоде беспорядка и безвластия, нередко сопровождающегося большой кровью, было мало, в том числе и в годы английской революции, ставшей примером для континента. Революция — всегда большая трагедия, безжалостный приговор элитам прежнего режима, оказавшимся неспособными провести необходимые упорядоченные реформы, урегулировать социальные конфликты³⁸. Под революцией обычно понимают социальные потрясения, снимающие препятствия на пути развития общества. Словом «Революция» объединяют лишь часть более широкого круга явлений, который на русском языке описывается словом смута. Смута — это период общественной жизни, когда старой власти уже нет, а новой еще нет³⁹.

Чтобы придать институтам нового порядка стабильность, нужны годы, нередко десятилетия. Когда привычные установления уже не действуют, а новых — еще нет, жизнь становится тяжелой, нередко — короткой. Кризисы, связанные с институциональным вакуумом, явление в истории редкое. Развитие событий в это время не укладывается в привычные представления о том, как организована нормальная жизнь.

Не понимая этого, трудно ответить на вопрос, почему экономисты с мировым именем высказывают столь наивные суждения, когда речь заходит об анализе событий, происходивших на фоне крушения коммунистического режима в СССР.

Американские профессора, к примеру, пишут о событиях в России начала 1990-х годов: «*Ельцин и его коллеги должны были рассказать российскому населению о том, что путь к национальному обновлению будет долгим и тяжелым, что национальная солидарность и социальная справедливость критически важны, что государство будет стремиться равномерно распределить*

³⁷ North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; North D.C. Institutional Change and Economic Growth. The Journal of Economic History. Vol. 31. Issue 1. March 1971; North D.C. Economic Performance Through Time // The American Economic Review, Vol. 84 (3), 1994.

³⁸ Революция — это «время, когда государство не выполняет своих ежедневных обязательств, когда собственность не защищена властями, когда жакерия охватывает село, беспорядки возникают в городах, когда замки грабят, архивы жгут. Магазины взрываются, продовольственное снабжение и транспорт отказываются парализованными, когда ренты и долги больше не платят, когда суды не выносят приговоры. Когда полицейский не решается выполнить приказ, когда жандармерия парализована, полиция не действует, когда повторяющиеся амнистии защищают грабителей, когда в местных и центральных властях появляется много бесчестных авантюристов, враждебным ко всем, у кого есть собственность». См.: Taine H.A. The French Revolution, Vol. 3. 2001. P. 3.

³⁹ Деятели белого движения в работах, посвященных русской революции нередко использовали термин «смута» для описания происходившего, сравнивая происходящее в новейшей российской истории с событиями смутного времени начала XVII века. См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. Даль определяет смуту как возмущение, восстание, мятеж, крамолу, общее неповиновение, раздор между народом и властью. См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4 М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 300. Точные, позволяющие учесть все оттенки, связанные с историческим наследием, переводы — вещь крайне сложная. На мой взгляд, ближайшее приближение к российскому слову «смута» на английском языке это «revolt», «distemper» или «uprising».

тяготы перехода к новому режиму между гражданами, что оно постарается обеспечить максимально возможный уровень политической свободы, что оно будет стремиться постепенно увеличить уровень экономической свободы, вводя элементы рыночной экономики, но при этом обеспечивая социальную стабильность»⁴⁰.

О том, как на деле выглядят преобразования в условиях смуты, рассказывает один из свидетелей событий марта 1917 года: «Я иду впереди роты, слышу сзади: «Нет теперь командиров! Идем, как хотим!». Солдаты пьяны и свободой и водкой, всё течет самотеком, под давлением нечеловеческих сил»⁴¹.

Можно представить себе профессоров, пытающихся объяснить участникам событий, что сначала надо создать институты, преодолеть кризис снабжения городов, и лишь потом начинать политические преобразования. Боюсь, что переубедить взбунтовавшихся солдат было нелегко.

Небезынтересно читать о том, что «рыночные институты включают: правовую структуру с соответствующими законами, судами, кадрами юристов и системой мер, обеспечивающей соблюдение законодательства; полезно знать и про «сеть социальной безопасности в качестве составляющей нового «социально-го контракта».

Но бывает, что нужно действовать, когда страна банкрот, у правительства нет в распоряжении ни одного боеспособного полка, готового исполнить приказ, не существует ни государственной, ни таможенной границы, нет единой системы правосудия, а в крупных городах для снабжения населения хватит хлеба на несколько дней. Когда государство не способно выполнять свои базовые функции, а его экономическая система устроена так, что может функционировать лишь при всевластии государства.

Отступление про ИРАК

Так было не только в России и других странах, на которые раскололся СССР. Вскоре после падения режима Саддама Хусейна мне привелось быть в Ираке. Режим

Саддама Хусейна был преступным. Быстротечные события весны 2003 года подтвердили: никто в Ираке умирать за Хусейна не собирался. Американцев большинство иракцев встречало как освободителей. Если не считать кучки преданных С. Хусейну головорезов, военная и полицейская элита старого режима была готова служить новой власти и больше того — рассчитывала ей служить. Однако те, кто выработывал в это время американскую политику, никогда не жили в деинституционализованном обществе. Они твердо знали, что павший режим — зло, поэтому его уничтожили. Но они не могли оценить ни последствия крушения саддамовского режима, ни как из них выходить.

Вот как описывали развитие событий американские журналисты: «В детских садах нет электричества. Воспитатели разбежались, родители боятся отпускать детей в образовательные учреждения. [...] Практически каждое государственное министерство с характерным исключением министерства нефти было разграблено и сожжено. Банки, расположенные в районе Багдада, были разграблены. [...] Уже 4 апреля сразу после краха режима снабжение Багдада электроэнергией прекратилось. Система водоснабжения работала лишь на 40% своей мощности»⁴². К июню 2003 года американская администрация осознала, что грабежи наносят иракской экономике больший ущерб, чем военные действия. Хищение медных проводов стало массовым. Крах структур старого режима привел к распространению контрабандной торговли.

То, что после исчезновения с улиц полиции старого режима грабежи, перебои в энергоснабжении станут элементами ежедневной жизни, что многие привычные установления (например, аномально низкие цены на бензин) можно поддерживать лишь имея действующие пограничные и таможенные службы, что с их исчезновением дефицит нефтепродуктов станет острой проблемой, те, кто принимал решения о начале боевых действий, просто не понимали⁴³.

Деятельным участникам событий начала 1990-х годов в России было проще понять взаимосвязь между

⁴⁰ Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism Against Democracy. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001. P.624, 637.

⁴¹ Гуль Р. Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952. Ч.3. Гл. 5. Метод доступа: ldn-knigi.narod.ru

⁴² См.: New York Times. 20 April 2003.

⁴³ О связи уничтожения авторитарного режима в Ираке с крахом общественного порядка, прекращением функционирования важнейших элементов инфраструктуры см. также: Arnoldy B. In Vanguard of 'Peaceful Occupation'. Civil-affairs Troops Have Been Sent to Iraq in Their Biggest Callup since World War II // Christian Science Monitor. 2003. April 8; Kaplow L. War in The Gulf: The Iraqi People: Iraqi Police, Doctors, Engineers Eager to Roll up Sleeves // The Atlanta Journal — Constitution. 2003. April 13. О хаосе в Ираке после краха режима Саддама Хусейна см., например: Slackman M., Perry T. U.S. Moves to End Chaos in Baghdad // Los Angeles Times. 2003. April 13; Otis J. Iraqis Find Job of Stilling Chaos Being Left to Them // Houston Chronicle. 2003. April 17.

обеспечением порядка и организацией нормальной жизни в стране. У нас был опыт поколений.

* * *

Крах существующих установлений, отсутствие порядка, гарантий прав собственности, соблюдения контрактов приводит к социальной и экономической катастрофе. Такое не раз случалось в российской истории. Так было в «Смутное время» начала 17 века, так было и в 1917–1921-х годах. Однако, периоды деинституционализации — отнюдь не уникальная российская специфика. При исследовании механизмов развертывания социальной деструкции обнаруживается принципиальная похожесть, даже общность происходившего в странах с очень различающимися традициями и уровнем развития.

Смута — социальная болезнь, сопоставимая по последствиям с голодом, крупномасштабными эпидемиями, войнами. Как показывает исторический опыт, она не оставляет устойчивого иммунитета.

* * *

Те, кто знает историю французской и русской революции, представляли, что может последовать за коротким периодом ликования, насколько серьезные риски, с которыми столкнулась страна.

В СССР, после краха попытки августовского переворота 1991 года, на общие проблемы всех обществ, оказавшихся в подобном положении, накладывались новые, никогда прежде не возникавшие и сами по себе страшные проблемы: распад гигантского союзного государства, гарантировавшего мировое равновесие сил, анемия армии, обладающей крупнейшим ядерным арсеналом, паралич механизмов административного регулирования экономики при отсутствии развитых рынков.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ — ХРУПКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Чтобы ее поддерживать, надо, чтобы бесперебойно функционировало множество разнообразных социальных механизмов. Ее невозможно сохранить, если в города не поступает продовольствие, не обеспечен элементарный порядок, армия не способна защитить территорию государства, нет ресурсов для ее

содержания. Когда подобные проблемы решаются удовлетворительно, общество обычно не задумывается, почему так устроено. Это кажется само собой разумеющимся. Можно жаловаться на дороговизну или коррупцию, выросшую уличную преступность, но представить ситуацию, в которой хлеб в город не будут привозить вовсе, а полиция, пусть и несовершенная, исчезнет с улицы, человеку, выросшему в стабильном цивилизованном обществе, непросто. Когда он сталкивается с подобной ситуацией, она представляется ему катастрофой, невероятным кошмаром, для людей религиозных — следствием божьего гнева.

Крупномасштабные технические инновации последних двухсот лет радикально изменили жизнь. Сотни тысяч лет человечество обходилось без электричества, создало без него великие культуры. Массовое распространение электричества сделало цивилизацию несравнимо более мощной, эффективной, комфортной, но и более хрупкой. Прекращение электро- или газо- снабжения крупного города на двое-трое суток — тяжелое испытание для его жителей. Если такое происходит холодной зимой — возникает угроза гуманитарной катастрофы.

В такие времена на первый план в государственной политике и экономике выдвигаются не проблемы темпов роста, и даже не сохранения социальных гарантий или уровня безработицы, а угроза голода, холода, социальной деградации. Так было зимой 1918-го. Так было зимой 1991–1992 года.

* * *

Мир столкнулся с глубоким экономическим кризисом. В экспертном сообществе на протяжении последних месяцев все больше распространяется мнение, что это самый глубокий мировой экономический кризис со времен великой депрессии. Пока кризис ни в одной из крупных стран мира не проложит дорогу к деинституционализации, тому, что на русском языке называется словом «смута». Но кризисные явления в мировой экономике увеличивают риски стабильности сложившихся установлений. Именно поэтому полезно вспомнить о том, какие риски они могут породить. Может быть, это позволит их минимизировать. ■■■

ДОБАВЛЕНИЕ ОТ РЕДАЦИИ*

Всего несколько соображений. Первое: Динамичный экономический рост в России начался на фоне относительно низких, по историческим меркам, цен на нефть. Широко распространена иллюзия, что экономический рост — только следствие высоких цен на нефть. Это просто не так. Этот рост начался на всем постсоветском пространстве; везде, где были сформированы рыночные институты, с 99-00 годов начался динамичный экономический рост. Он шел на фоне достаточно высокой инфляции, связанной с инфляционной инерцией и укреплением национальных валют.

У нас наложились две разные проблемы. Собственная проблема постсоциалистического перехода — все, что было связано с банкротством советской экономики, что вызвало глубокую структурную перестройку, в основном завершилось к 00 годам. Второй фактор — цикличность мирового экономического развития. Во время постсоциалистического перехода можно было забыть о мировых экономических циклах. Происходившее у нас просто было больше по масштабам, по влиянию на экономику; в эйфории роста забывалось, что современный экономический рост связан с цикличностью и колебаниями...

*31 марта 2009 года в конференц-зале Российской Государственной библиотеки Институт Экономики переходного периода (ИЭПП) представлял две свои итоговые книги. Одна, очень толстая, 1328 (!) страниц, посвящена феномену российского экономического роста в тучных 2000–2007 годах; другая — сама тощая — «Финансовый кризис в России и в мире» рефлексивирует по поводу начала тощих лет.

Презентации предшествовал вводный доклад Е.Т.Гайдара. Нам представляется уместным познакомить читателей с некоторыми его тезисами (тем более что, к моему удивлению — *В.Я.*, в зале не было ни камер телевидения, ни пишущих журналистов).

Раньше «тучные» и «тощие» годы связывались с урожайностью и неурожайностью, а потом — с рынками. Установился золотой стандарт... Потом он вступил в противоречие с требованиями экономики... Великая депрессия это хорошо продемонстрировала, и выход из системы золотого стандарта стал неизбежным. Великая депрессия — это кризис золотого стандарта. Но мир радикально меняется, — это, в сущности, разные миры.

Мир, с плавающими курсами основных валют и свободными рынками, — который сформировался на рубеже восьмидесятых годов, это новый мир, ему всего четверть века. Мы плохо представляем, как он устроен, у нас недостаточно опытных данных, чтобы понять, как устроен и работает этот новый мир.

В 1994 году в Вашингтоне работала прекрасная команда экономистов — но она проспала мексиканский кризис; другая высокопрофессиональная команда в 1998 году прозвала кризис в Юго-Восточной Азии... Кризисы до 90-х годов изучены, классифицированы, описаны, связаны с рядом причин (прежде всего — политическими факторами, популизмом властей) ...

О том, что есть проблемы на рынке некачественной ипотеки США, писали — но что они развернутся в полномасштабный затяжной кризис, толком никто не предсказал.

Никто пока не научился хорошо прогнозировать переломы в мировой экономике. Вот прогноз МВФ на 2009 год. Видно, как он несколько раз радикально менялся. Мировой рост и его темпы очень сильно влияют на Россию по двум линиям: на цены энергоносителей и сырьевых товаров. Цены на нефть прогнозировать очень трудно; самая лучшая оценка этого дана в МВФ, и ее суть — мы не умеем прогнозировать цены на нефть.

Надо понимать, что высокие цены на нефть не гарантированы навсегда. Еще год назад солидные ученые нам небезосновательно доказывали, что эти цены никогда не опустятся ниже 100 долларов за баррель. Все это наивно, потому что так можно было рассуждать пока не было деривативов и фьючерсов — и пока нефть не стала не сырьевым рынком, а финансовым.

На этом рынке играют спекулянты и логика развития экономики, перспективы месторождений неизвестны, они играют в короткую — в несколько дней.

В этой связи замедление мирового экономического роста не могло не привести к обратной спекулятивной игре, направленной на снижение цен на энергоносители и сырье.

Второе направление, по которому изменение динамики экономических показателей сказывается на параметрах российской экономики — это приток и отток капитала.

У нас был непростой выбор, когда мы столкнулись с двумя вызовами: снижение цен на экспорт и одновременно отток капитала в 200 млрд. долларов. Надо было решать, что делать. Приятных выборов не было. В этой связи, конечно, в стране платежный баланс и бюджет сильно зависят от цен на нефть и надо понижать риски.

Российские власти, надо сказать, в какой-то степени извлекли уроки из прошлых кризисов, погубивших Советский Союз, в какой-то степени — нет. Осознали крах СССР, который не создавал крупных ликвидных золотовалютных резервов, и столкнувшись с падением цен на нефть, просто обанкротился и рухнул. Но они не сразу поняли, что эпоха богатой казны закончилась и надо подтягивать пояса.

К нынешнему кризису мы оказались прилично подготовленными, с серьезными золотовалютными запасами. Наши власти, на мой взгляд, разумно выбрали свои приоритеты (вне зависимости от того, что они говорят, важно что они делают) — сохранение финансовой системы, стабильность банковской системы и сохранение золотовалютных запасов. Наш ответ был несимметричен решению западных стран — резкое снижение процентной ставки, увеличение бюджетных расходов, чтобы поддержать спрос. Но мы и не в симметричной ситуации. За ними века стабильной финансовой истории, они могут позволить — и обязаны поддержать политику поддержания глобального спроса.

Страны, которые не имеют мировых резервных валют в другом положении. Мы быстро утратили бы резервы, получили бы неконтролируемую девальвацию, инфляцию, неплатежи, рост безработицы и социальную дестабилизацию. Российские власти пошли по пути увеличения реальной ставки и снижения минимального курса рубля по отношению к корзине валют. Девальвация — плохое слово, но попросту говоря — осуществилась девальвация рубля примерно на треть. И несмотря на риторику — пошли по пути ужесточения бюджетной политики. Мне этот подход кажется рациональным, хотя западные коллеги нас не понимают, считая, что мы тоже должны нести бремя ответственности за мировую экономическую систему. Но мы должны нести в первую очередь ответственность за Россию. И мировой экономике не станет лучше, если рухнет российская.

Но за выбор стратегии, направленной на обеспечение финансовой системы, придется платить ситуацией в реальном секторе. У наших властей был выбор: сохранность вкладов или поддержка реального сектора. Выбрали поддержку вкладов. В реальном секторе ситуация смотрится совсем не оптимистично, мягко говоря, там ситуация тяжелая... Там совсем не весело.

Ну и наконец, это ситуация на рынке труда. Собственно в 2007 году у нас рынок труда был перегрет, у нас на 120 процентов в год росла реальная заработная плата и дефицит квалифицированных кадров становился реальным тормозом роста; но когда ситуация кардинально изменилась, и ситуация на рынке труда изменилась.

Власти разумно увеличили пособия по безработице, либерализовали к ним доступ, но то что ситуация будет ухудшаться — нельзя с этим спорить. Это меняет политическую ситуацию. Управлять Россией при ценах в 140 долларов за баррель — приятное занятие. Управлять ею при ценах сниженных в три раза — менее приятно и к этой ситуации надо приспособливаться. Властям понадобилось несколько месяцев, чтобы это понять. Между мартом-августом прошлого года они наделали много ошибок. Перейти от комфортной жизни к жизни скромной — трудно. К счастью, у нас есть два преимущества: наша политическая элита (руководство ее) живет комфортно, но что бы оно ни говорило о

«воровских» 90-х, оно из них вышло. В этой связи для них понять, что счастье в прошлом и надо возвращаться в трудную жизнь — задача решаемая, они не забыли свое прошлое. К октябрю эта мысль овладела теми, кто принимает решения.

И общество у нас пережило тяжелейший кризис, связанный с крахом СССР. Это не французское общество, не английское, у нас все помнят, как они жили. Поэтому радикальные и драматические изменения тенденции на рынке труда и доходов не вызывают истерической реакции. Пока не вызывают.

Конечно, когда реальные доходы растут на десять процентов в год — править просто и не нужны массовые репрессии, чтобы сохранить власть. Но когда от роста дохода в 10 процентов начинается падение доходов как минимум на 5 процентов, становится трудно. Здесь для власти есть развилка возможных решений. Либо власть, столкнувшись с тем, что ее начинают меньше любить, отвечает репрессиями — это путь к углублению кризиса, и даже путь к смуте.

Либо власть понимает, что ситуация изменилась и нужна обратная связь с обществом, а значит надо спокойно, постепенно либерализовать режим, освободить прессу, проводить реальные выборы, честно разговаривать с обществом, не доводя его до точки кипения, осуществлять реальную борьбу с коррупцией — тогда общественная солидарность поможет выйти из кризиса. ■■■